

Шницлер Артур

Фрау Берта Гарлан

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А86

А86 **Артур Ш.**
Фрау Берта Гарлан / Шницлер Артур – М.: Книга по Требованию, 2024. – 162 с.

ISBN 978-5-521-31435-5

ISBN 978-5-521-31435-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

левыми цвѣтами, сорванными по дорогѣ, она совершенно не испытывала горя. Прошло уже цѣлыхъ три года съ тѣхъ поръ, какъ она его похоронила, ровно столько, сколько она прожила съ нимъ вмѣстѣ.

Ея вѣки сомкнулись. Она вспоминала свой прїѣздъ въ этотъ городъ изъ Вѣны, черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы. Они совершили небольшое свадебное путешествіе, какое могъ себѣ позволить небогатый человѣкъ, женившійся на безприданницѣ. Они поѣхали изъ Вѣны на пароходѣ вверхъ по теченію и провели нѣсколько дней въ маленькомъ мѣстечкѣ въ Вахау, близости отъ ихъ будущаго мѣстожительства. Берта еще ясно помнила маленькую гостиницу, въ которой они остановились, садикъ у рѣки, гдѣ они обычно сидѣли послѣ захода солнца, спокойные и немножко скучные вечера; когда она была молоденькой дѣвушкой, она совершенно иначе представляла себѣ вечера молодой парочки. Но ей пришлось примириться съ этимъ.

Ей было двадцать шесть лѣтъ — и она была круглая сирота, когда Викторъ Матіасъ Гарланъ сдѣлалъ ей предложеніе. Родители ея умерли незадолго передъ этимъ. Одинъ изъ ея братьевъ давнымъ давно уѣхалъ въ Америку, чтобы попытать тамъ счастья въ торговлѣ, другой, младшій, былъ актеромъ, женился на актрисѣ и игралъ комическія роли въ плохенькихъ нѣмецкихъ театрахъ. Съ другими родственниками у нея почти совсѣмъ не сохранилось отношеній; она бывала только въ домѣ своей кузины, вышедшей замужъ за адвоката, да и то не часто. И эта дружба съ каждымъ годомъ все охлаждѣвала, такъ какъ молодая женщина страстно и исключительно отдавалась своему мужу и дѣтямъ и мало интересовалась своей незамужней пріятельницей.

Господинъ Гарланъ былъ отдаленный родственникъ покойной матери Берты; въ былые годы онъ часто бывалъ у нихъ въ домѣ и довольно

неуклюже ухаживалъ за молодой дѣвушкой. Въ ту пору Берта не имѣла никакого желанія поощрять его, другая жизнь и другое счастье манили ее. Она была молода и красива, у ея родителей были недурныя средства, хотя они и не были богаты, ей улыбалась надежда стать знаменитой піанисткой, быть женой артиста, а не вести скромную, спокойную семейную жизнь. Но эта надежда вскорѣ погасла. Въ одинъ прекрасный день у ея отца взяли верхъ буржуазныя предразсудки, и онъ запретилъ ей дальнѣйшее посѣщеніе консерваторіи; благодаря этому былъ положенъ конецъ и ея артистической карьерѣ, и ея отношеніямъ къ молодому скрипачу, ставшему впоследствии знаменитостью. Слѣдующіе годы прошли удивительно тускло; вначалѣ она испытывала какъ бы разочарованіе или даже горе, но это не долго продолжалось. Явились претенденты на ея руку, молодой врачъ и купецъ; и обоихъ она забрала; врачъ ей казался слишкомъ некрасивымъ, а купецъ жилъ въ маленькомъ провинціальномъ городѣ. И родители не особенно ее уговаривали. Но когда ей минуло двадцать шесть лѣтъ, а отецъ потерялъ свое небольшое состояніе вслѣдствіе какого-то банкротства, ей пришлось выслушать много запоздалыхъ упрековъ по цѣлому ряду наполовину забытыхъ ею поводовъ: по поводу ея былыхъ артистическихъ плановъ, по поводу давнишней безнадежной исторіи съ молодымъ скрипачомъ, по поводу ея отрицательнаго отношенія къ некрасивому врачу и купцу изъ провинціи. Въ это время Викторъ Матіасъ Гарланъ уже не жилъ въ Вѣнѣ. Страховое общество, въ которомъ онъ служилъ съ двадцати лѣтъ, по его просьбѣ назначило его управляющимъ вновь открытаго отдѣленія въ маленькомъ городкѣ на Дунаѣ, гдѣ жилъ его женатый братъ виноторговецъ. Прощаясь съ семьей Берты, въ разговорѣ, который произвелъ на Бертѣ впечатлѣніе, онъ упомянулъ о причинѣ, особенно побудившей его про-

ситъ о перемѣщеніи въ маленькій городокъ; онъ чувствовалъ приближеніе старости, потерялъ надежду жениться, и ему хотѣлось создать родной уголокъ среди близкихъ людей. Ея родители подсмѣивались надъ его мрачнымъ настроеніемъ; Гарлану было не больше сорока лѣтъ. А Берта нашла его очень разумнымъ, такъ какъ Гарланъ никогда не казался ей молодымъ. Въ послѣдствіи Викторъ Матіасъ Гарланъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ по дѣламъ въ Вѣну и неизмѣнно посѣщалъ семью Берты. Послѣ ужина Берта играла на роялѣ, а онъ благоговѣйно слушалъ ее и потомъ рассказывалъ о своемъ маленькомъ племянникѣ и о своей маленькой племянницѣ, которые оба были очень музыкальны и которымъ онъ часто говорилъ о фрейлейнѣ Бертѣ, какъ о прекрасной піанисткѣ. Это производило впечатлѣніе, и по этому поводу мать не могла удержаться отъ замѣчанія, что господинъ Гарланъ послѣ своего робкаго сватанья въ прежнее время теперь не осмѣливается дѣлать и намека на прошлое или на возможное будущее; теперь Бертѣ приходилось выслушивать еще одинъ упрекъ—въ томъ, что она слишкомъ безразлично и даже холодно относилась къ господину Гарлану. Берта только качала головой, даже и теперь она лично не думала выходить замужъ за преждевременно-старѣющагося, беспомощнаго человѣка. Послѣ внезапной смерти матери, послѣдовавшей въ то время, какъ отецъ уже нѣсколько мѣсяцевъ былъ боленъ, господинъ Гарланъ снова появился въ Вѣнѣ; онъ сообщилъ, что взялъ четырехнедѣльный отпускъ, первый въ его жизни. Берта поняла, что онъ пріѣхалъ только затѣмъ, чтобы помочь ей въ это тяжелое время. Когда же отецъ тоже умеръ, черезъ недѣлю послѣ похоронъ матери, Гарланъ проявилъ себя вѣрнымъ и притомъ очень энергичнымъ другомъ, чего она вовсе отъ него не ожидала. Онъ попросилъ свою невѣстку пріѣхать на нѣсколько недѣль въ Вѣну, чтобы побыть пер-

вое время съ сиротой и развлечь ее немножко; онъ самъ ловко и быстро привелъ въ порядокъ всѣ дѣла. Его сердечность благотворно дѣйствовала на Берту въ эти тяжелые дни; когда же по окончаніи своего отпуска онъ спросилъ Берту, хочетъ ли она стать его женой, она приняла его предложеніе съ чувствомъ глубокой благодарности. Она знала, что въ противномъ случаѣ уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ вынуждена зарабатывать свой хлѣбъ уроками; кромѣ того, она научилась цѣнить Гарлана и такъ къ нему привыкла, что когда онъ повелъ ее въ церковь подъ вѣнецъ, а потомъ въ каретѣ въ первый разъ спросилъ, любить ли она его, она могла совершенно искренно отвѣтить ему: да.

Но въ первые же дни она поняла, что не любить его. Съ изумленіемъ и разочарованіемъ принимала она вначалѣ его ласки, потомъ начала къ нимъ равнодушно относиться и, только почувствовавъ себя матерью, стала охотно на нихъ отвѣчать. Она скоро привыкла къ тихой жизни въ маленькомъ городкѣ, тѣмъ болѣе, что въ Вѣнѣ они жили замкнуто. Она хорошо себя чувствовала въ семьѣ своего мужа; деверь былъ очень добродушный и веселый, но немножко грубоватый человѣкъ; его жена была добрая женщина, иногда грустившая. Въ то время какъ Берта пріѣхала въ городъ, племяннику ея было тринадцать лѣтъ; это былъ красивый и бойкій мальчикъ; племянницѣ было девять лѣтъ, она была тихимъ ребенкомъ съ большими удивленными глазами; къ ней съ самаго начала Берта больше всего привязалась. Когда у Берты родился ребенокъ, дѣти отнеслись къ нему, какъ къ желанной игрушкѣ, и слѣдующіе два года Берта была вполнѣ счастлива. Ей даже казалось, что удачнѣе ея жизнь и не могла бы сложиться. Вспоминая шумъ, суету большого города, она представляла ихъ себѣ, какъ нѣчто очень непріятное, даже опасное; однажды она поѣхала туда съ мужемъ, чтобы сдѣ-

латъ необходимыя покупки; на несчастье выдался скверный, грязный, дождливый день, и она дала себѣ зарокъ никогда больше не пускаться въ это скучное, ненужное путешествіе.

Ея мужъ умеръ внезапно, въ весеннее утро, черезъ три года послѣ свадьбы. Это былъ большой ударъ для нея. Она поняла, что никогда и не задумывалась надъ возможностью такого несчастья. Она осталась съ очень скудными средствами къ существованію. Но вскорѣ ея невѣстка придумала очень удачный способъ поддержать вдову, не придавая этому характера благотворительности. Ей предложили заниматься съ дѣтьми музыкой и достали уроки еще и въ другихъ семьяхъ города. Произошло какъ бы безмолвное соглашеніе: всѣ ей предлагали эти уроки только съ цѣлью развлечь ее немножко и платили ей за нихъ, чтобы даромъ не пользоваться ея трудомъ и временемъ. Того, что она зарабатывала такимъ путемъ, вполне было достаточно, чтобы пополнить ея бюджетъ. Итакъ, когда прошли горе и грусть, вызванныя смертью мужа, она снова стала довольной и веселой. Ея предыдущая жизнь протекала вовсе не такъ, чтобы можно было теперь о чемъ-нибудь жалѣть. Въ ея думахъ о будущемъ ее интересовалъ почти исключительно вопросъ о подрастающемъ сынѣ; только изрѣдка ей приходила въ голову мимолетная мысль о возможности новаго брака, — не было ни одного человѣка, о которомъ она серьезно могла подумать съ этой точки зрѣнія. Изрѣдка, въ безсонные утренніе часы въ ней пробуждались желанія молодости,—и снова исчезали подъ вліяніемъ равномернаго теченія дня. Только съ начала этой весны она чувствовала себя менѣе уравновѣшенной; сонъ ея не былъ такъ спокоенъ, какъ раньше — ее мучили сновидѣнія; иногда она испытывала скуку, незнакомую ей до тѣхъ поръ; а самое удивительное было чувство внезапнаго изнеможенія, охватывавшее ее среди бѣла-дня,

при чемъ она ощущала движеніе крови во всемъ тѣлѣ, напоминавшее ей о самой ранней порѣ ея дѣвнчества. Вначалѣ эти, хотя и знакомыя ей ощущенія были такъ ей чужды, что ей казалось, будто какая-то подруга ей объ этомъ рассказывала. Только когда они стали чаще повторяться, она вспомнила, что сама ихъ переживала раньше.

Она вздрогнула и ей показалось, что она проснулась отъ долгаго сна. Она открыла глаза. Все у нея вертѣлось передъ глазами. Дорога наполовину была уже въ тѣни; кладбищенская стѣна наверху на горѣ уже не блестѣла. Берта поспѣшно тряхнула нѣсколько разъ головой, какъ бы для того, чтобы совсѣмъ проснуться. Ей казалось, что прошелъ уже цѣлый день, цѣлая ночь съ тѣхъ поръ, какъ она присѣла на скамью. Почему это время прошло такъ незамѣтно? Она осмотрѣлась кругомъ. Гдѣ же ребенокъ? Онъ игралъ позади нея съ дѣтьми доктора Фридриха, няня стояла около нихъ на колѣняхъ и помогала имъ строить изъ песка замокъ. Аллея была уже болѣе оживлена. Берта знала почти всѣхъ: каждый день она встрѣчала одни и тѣ же лица. Но разговаривала она только съ немногими и поэтому они проходили мимо нея, какъ тѣни; вотъ прошелъ сѣдельникъ Петеръ Новакъ съ женой, проѣхалъ на маленькой телѣжкѣ докторъ Реллингеръ и поклонился ей, вотъ прошли обѣ дочери домовладѣльца Венделейна, а тамъ медленно проѣхали на велосипедахъ за городъ лейтенантъ Байеръ съ невѣстой. Потомъ все движеніе, повидимому, на время прекратилось, и до Берты доносился только смѣхъ дѣтей позади нея. Тутъ она увидѣла, что кто-то медленно идетъ изъ города, и она его сразу узнала. Это былъ господинъ Клингеманъ, который за послѣднее время гораздо чаще съ ней заговаривалъ. Онъ переселился въ ихъ маленькій городъ изъ Вѣны лѣтъ двѣнадцать-пятнадцать тому назадъ; говорили, что онъ былъ врачомъ и долженъ былъ бросить практику

не то изъ-за какой-то профессиональной ошибки, не то изъ-за какого-то болѣе серьезнаго проступка. Другіе утверждали, что онъ вовсе не доучился до врача, и такъ вѣчнымъ студентомъ и бросилъ науку. Онъ самъ выдавалъ себя за философа, которому опротивѣла жизнь въ столицѣ, послѣ того какъ онъ до пресыщенія насладился ею; поэтому онъ будто бы и переселился въ маленькій городъ, гдѣ могъ прилично существовать на остатки своего состоянія. Ему было теперь не больше сорока пяти лѣтъ, онъ былъ еще въ цвѣтѣ силъ, но большей частью выглядѣлъ очень потрепаннымъ и непріятнымъ человѣкомъ. Еще издалека онъ улыбался молодой вдовѣ, однако не ускорилъ своего шага, и наконецъ остановился передъ ней, насмѣшливо кивнувъ головой, — его обычная манера здороваться.

«Здравствуйте, прелестная дама», сказалъ онъ.

Она отвѣтила на его привѣтствіе. Сегодня былъ одинъ изъ тѣхъ дней, когда ему хотѣлось казаться молодымъ и изящнымъ. Онъ былъ затянутъ въ темно-сѣрый сюртукъ, на головѣ у него была коричневая соломенная шляпа съ узенькими полями и съ черной лентой, на шеѣ былъ нѣсколько криво повязанъ маленькій красный галстухъ. Помолчавъ нѣкоторое время и покрутивъ свои слегка сѣдѣющіе, свѣтлые усы, онъ сказалъ: «Вы пришли оттуда, сверху, сударыня?» Онъ показалъ одной рукой назадъ по направленію къ кладбищу—довольно презрительно, не повернувъ головы и даже не взглянувъ туда. Господинъ Клингеманъ слылъ во всемъ городѣ человѣкомъ, не признающимъ ничего святого. При видѣ его, Берта невольно вспомнила то, что о немъ рассказывали. Всѣ знали, что онъ былъ въ связи съ своей кухаркой, которую, впрочемъ, величалъ «экономкой»; въ то же время у него была связь съ продавщицей табаку, которая обманывала его съ капитаномъ мѣстнаго полка, о чемъ онъ рассказывалъ Бертѣ съ гордой печалью, кромѣ того,

въ городѣ было нѣсколько барышенъ невѣстъ, питавшихъ къ нему нѣжныя чувства. Если ему на это намекали, онъ отвѣчалъ общими ироническими замѣчаніями относительно института брака; нѣкоторые ставили ему это въ вину, но все-таки въ глазахъ всего общества это возвышало его.

«Я прошла немного», сказала Берта.

«Однѣ?».

«Нѣтъ, съ мальчикомъ».

«Да, да, вотъ онъ. Здорово, маленькій смертный». Произнося это привѣтствіе, онъ смотрѣлъ поверхъ ребенка. «Можно мнѣ къ вамъ присѣсть на минутку, фрау Берта?» Онъ насмѣшливо выговорилъ ея имя и сѣлъ, не дожидаясь отвѣта. «Сегодня передъ обѣдомъ я слышалъ вашу игру на роялѣ», продолжалъ онъ. «Знаете, какое она производитъ на меня впечатлѣніе? Мнѣ кажется, что музыка можетъ вамъ все замѣнить». Онъ повторилъ: «все», и при этомъ посмотрѣлъ на нее такъ, что она покраснѣла. Потомъ онъ продолжалъ: «Какъ жаль, что мнѣ такъ рѣдко удастся васъ послушать. Только когда я случайно прохожу подъ вашими открытыми окнами въ то время, какъ вы играете».

Берта замѣтила, что онъ все ближе къ ней подсаживается и касается своей рукой ея руки. Она невольно отодвинулась. Вдругъ она почувствовала, что кто-то обнялъ ее сзади, пригнулъ ея голову къ спинкѣ скамейки и закрылъ ей глаза рукой. Одно мгновеніе ей казалось, что рука Клинге-мана лежитъ на ея вѣкахъ, и она закричала: «Вы съ ума сошли!» Смѣющийся голосъ мальчика возразилъ ей: «Какъ это смѣшно, тетя Берта, когда ты мнѣ говоришь: вы!»

«Оставь меня, Рихардъ!» сказала Берта и попыталась сбросить его руки съ своихъ глазъ; потомъ она обернулась и спросила: «Ты изъ дому?»

«Да, тетя, вотъ тебѣ газета». Берта взяла у него листокъ и начала его читать. Межъ тѣмъ Клин-

геманъ всталъ и спросилъ Рихарда: «Вы уже приготовили уроки?»

«Намъ не задають больше уроковъ, господинъ Клингеманъ, въ іюлѣ мы получаемъ аттестаты зрѣлости».

«Неужели въ будущемъ году вы будете уже студентомъ?».

«Въ будущемъ году? Осенью!» При этомъ онъ щелкнулъ пальцами по газетѣ.

«Чего-же ты хочешь, дерзкій мальчишка?»

«Послушай, тетя, ты навѣстишь меня въ Вѣнѣ?»

«И не подумаю! Я буду очень рада, когда освобожусь отъ тебя».

«Вотъ ѣдетъ господинъ Рупіусъ», сказалъ Рихардъ.

Берта опустила газету. Она посмотрѣла по направленію, указанному Рихардомъ. По аллеѣ изъ города ѣхалъ господинъ въ креслѣ на колесикахъ, которое катила горничная; голова его была непокрыта, мягкая шляпа лежала на колѣняхъ, пледъ покрывалъ его ноги сверху до низу. У него былъ высокій лобъ, волосы гладкіе, свѣтлые, слегка сѣдѣющіе на вискахъ, глаза необычайно большіе. Проѣзжая мимо скамейки, онъ только слегка наклонилъ голову и не улыбнулся. Берта знала, что будь она одна, онъ бы, навѣрно, остановился: только на нее онъ и посмотрѣлъ, проѣзжая мимо, и его поклонъ предназначался, повидимому, ей одной. Ей показалось, что никогда его глаза не смотрѣли такъ серьезно, какъ сегодня. Это ее очень опечалило, такъ какъ ей до глубины души было жаль этого калѣку.

Когда онъ проѣхалъ, Клингеманъ сказалъ: «Вотъ бѣдняга! А женушка, навѣрно, опять въ Вѣнѣ?»

«Нѣтъ», сказала Берта сердито, «я съ ней говорила часъ тому назадъ». Клингеманъ замолчалъ; онъ почувствовалъ, что дальнѣйшія замѣчанія относительно таинственныхъ поѣздокъ фрау Рупіусъ не вяжутся съ его репутаціей свободо-мыслящаго человѣка.

«Неужели онъ никогда больше не будетъ ходить?» спросилъ Рихардъ.

«Никогда», сказала Берта. Она знала это отъ самого господина Рупіуса; онъ сказалъ ей объ этомъ однажды, когда она зашла къ нему во время пребыванія его жены въ Вѣнѣ.—Въ эту минуту онъ казался ей особенно несчастнымъ: какъ разъ, когда онъ проѣзжалъ мимо нихъ, она натолкнулась въ газетѣ на имя человѣка, котораго считала счастливымъ. Невольно она снова перечитала. «Нашъ знаменитый соотечественникъ Эмиль Линдбахъ нѣсколько дней тому назадъ снова вернулся въ Вѣну изъ своего артистическаго путешествія по Испаніи и Франціи, покрывшаго его славой. Въ Мадридѣ замѣчательный артистъ имѣлъ честь играть передъ королевой. 24-го числа господинъ Линдбахъ будетъ участвовать въ благотворительномъ концертѣ, устраиваемомъ въ пользу жителей Форарльберга, серьезно пострадавшихъ отъ послѣдняго наводненія; все общество очень живо интересуется этимъ концертомъ, несмотря на конецъ сезона».

Эмиль Линдбахъ! Ей стоило большихъ усилій представить себѣ, что это тотъ самый Эмиль, котораго она—когда это было?—двѣнадцать лѣтъ тому назадъ—любила. Она почувствовала, что кровь ударила ей въ голову. Ей стало стыдно, что она постепенно старѣлась.

Солнце уже совсѣмъ зашло. Берта взяла ребенка за руку, простилась съ другими и медленно пошла домой. Домъ, въ первомъ этажѣ котораго она жила, былъ расположенъ на новой улицѣ; изъ оконъ былъ видъ на холмы, напротивъ лежали незастроенные пустыри. Берта передала мальчика служанкѣ, сѣла у окошка, взяла газету въ руки и продолжала чтеніе. По старой привычкѣ, она просмотрѣла сначала отдѣлъ театра и искусства; эта привычка создалась у нея еще въ пору ея юности, когда она ходила съ братомъ, теперешнимъ актеромъ, на галерею четвертаго